

На правах рукописи

Фильченко Андрей Юрьевич

**ИНФИНИТНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В СИСТЕМЕ
ВАСЮГАНСКОГО ДИАЛЕКТА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА**

10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки,
аборигенов Америки и Австралии
(финно-угорские и самодийские языки)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре английской филологии
Института иностранных языков
Томского государственного педагогического университета

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор Осипова Ольга Андреевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор Андуганов Юрий Владимирович
кандидат филологических наук,
доцент Соловар Валентина Николаевна

Ведущая организация:

Санкт-Петербургский государственный университет

Защита состоится 11 октября 2002 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.11601 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук в Марийском государственном университете по адресу: 424001, г. Йошкар-Ола, ул. Пушкина, 30, МарГУ.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МарГУ.

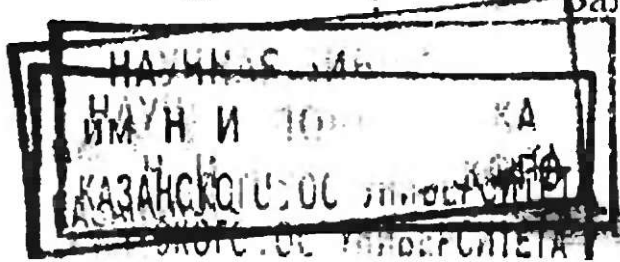
Отзывы просим направлять по адресу: 634041, г. Томск, пр. Комсомольский, 75, ТГПУ, ауд. 246.

Автореферат разослан « _____ » сентября 2002 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Зем

Валитов Н.Г.

Хантыйский язык, наряду с мансийским, составляет обско-угорскую подгруппу, которая вместе с венгерским языком образует угорскую группу финно-угорских языков уральской языковой семьи.

Принимая во внимание тезис Я. Пустай, о том что для построения обоснованных предположений о состоянии протоуральского состояния внимание должно быть сосредоточено на всех языках в районе развития уральской семьи (Пустай, 1995; 1997), мы считаем чрезвычайно важным и интересным подробное исследование хантыйских диалектов и, в частности, наиболее архаичных – восточных. Можно ожидать, что сложившаяся в силу историко-географических причин изолированность создала предпосылки для сохранения в этих диалектах значительного числа архаичных протоугорских и протоуральских фонетических, морфологических и синтаксических черт (Дечи, 1990).

Настоящая работа имеет **целью** анализ и описание морфологической структуры и особенностей функционирования форм инфинитной репрезентации глагола в васюганском диалекте хантыйского языка. В связи с этим предпринимается детальное рассмотрение аспектов грамматического строя диалекта, чтобы в наиболее полной мере и достоверно раскрыть специфику форм инфинитной репрезентации глагола.

Выбор темы исследования обусловлен тем, что на фоне сравнительно детальной изученности и освещенности инфинитных форм глагола в других диалектах хантыйского языка скудно представлены работы по систематизации грамматического материала, касающегося форм инфинитной/невербальной репрезентации глагола в системе васюганского диалекта хантыйского языка. До настоящего момента глагольная система васюганского диалекта, не рассматривалась в системном плане.

Для достижения цели исследования решаются следующие **задачи**:

1. Представить краткую типологическую характеристику васюганского диалекта в ряду других хантыйских диалектов, а также языков уральской языковой семьи, обращая внимание на сохранение в описываемом диалекте набора черт, приписываемых протоуральскому состоянию.
2. Дать общую характеристику системы глагола в васюганском диалекте хантыйского языка.
3. Определить состав форм инфинитной репрезентации в глагольной системе диалекта и их морфологию:

4. Дать краткое представление о синтаксисе диалекта как среды функционирования форм невербальной репрезентации.

5. Описать функционирование васюганских инфинитных глагольных форм в словосочетании, простом предложении и полипредикативных конструкциях.

На основе сравнительного анализа дается представление о степени сохранения в морфологии и синтаксисе диалекта набора протоуральских черт, предоставляя описание среды и условий образования и функционирования инфинитных глагольных форм.

Объектом исследования являются формы инфинитной/невербальной репрезентации глагола в васюганском диалекте хантыйского языка.

Материалом исследования служит картотека глагольных форм объемом более 2500 синтаксических единиц, составленная на базе полевых записей наших экспедиций в районы проживания васюганских ханты (1997 – Каргасокский район: Каргасок, Бондарка, Староюгино, Новоюгино; 1998 – Каргасокский район: Новый Васюган, Тох-Пухол/Озерное), полевых записей А.А. Ким и З. Надь (Каргасокский район: Новый Васюган, Тох-Пухол/Озерное); рукописных дневников и опубликованных полевых записей Р. Папай, полевых записей и опубликованных текстов Л.И. Калининой, хранящихся в Лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета; словарей М.К. Могутова 1995, Н.И. Терешкина 1981, Карьялайнена (Карьялайнен, 1948; 1964), З.И. Сязи и Р.Р. Скамейко, 1985. Для сопоставительного анализа также использовались материалы близкородственного ваховского диалекта Н.И. Терешкина 1961, Ф. Штейница 1980, Л. Хонти, Л.И. Калининой, а также других хантыйских диалектов: сургутского, казымского, шурышкарского, юганского, тромоганского и др.

Теоретической и методологической базой исследования служат работы отечественных и зарубежных исследователей по вопросам морфологии глагола, синтаксису, финно-угорскому языкознанию и типологии.

Данное диссертационное исследование является продолжением изысканий, начатых основателем Томской этнолингвистической школы и Лаборатории языков народов Сибири при Томском государственном педагогическом университете профессором Андреем Петровичем Дульзоном. Исследовательская деятельность А.П. Дульзона по изучению коренных языков Западной Сибири развивалась его учениками и коллегами. Изысканиями в области хантыйского языка активно занималась Л.И. Калинина, предпринимавшая многократные экспедиции в

места проживания ханты. Тексты, собранные Л.И. Калининой в ходе этих экспедиций, послужили в значительной мере материалом настоящей работы. С середины 1990-х годов направление исследований хантыйского языка в Томске было возобновлено в исследованиях учеников А.П. Дульзона – профессора О.А. Осиповой, А.А. Ким и их учеников.

Основным методом исследования являлся описательный и сравнительно-исторический. При морфологическом анализе применялся оппозитивный метод, в общем русле структурной и функциональной методологий.

Актуальность диссертационного исследования состоит в его соответствии современным тенденциям в анализе грамматического строя и синтаксической организации нсиндоевропейских бесписьменных/младописьменных языков. Тематика исследования соответствует задачам общества по сохранению культурного разнообразия и возрождению национальных языков и культур, разработке справочных и учебно-методических материалов в целях развития образования в рамках приоритетов гражданского общества и соблюдения основных прав человека, в том числе и права на образование на родном языке.

Научная значимость исследования заключается в том, что предпринято комплексное исследование аспектов морфологии и синтаксиса одного из архаичных и наименее изученных диалектов хантыйского языка с использованием как традиционных методов, так и современных методик лингвистического анализа.

Научная новизна работы состоит в системном представлении форм инфинитивной репрезентации глагола в васюганском диалекте хантыйского языка с применением сопоставления данных по родственным диалектам и языкам. Детально описывается морфология глагола, а также структурно-функциональные типы инфинитивных форм. Принципиально новым является также предпринятый впервые на материале восточных диалектов хантыйского языка, формализованный нелинейный анализ иерархической компонентной структуры предложения и других методик и принципов фразовой структуры и изысканий в области функциональной и генеративной грамматики, развиваемой Б. Комри, Т. Гивоном, Н. Хомским и др. Достоинство данных методик заключается в возможности унифицированного анализа синтаксической и морфологической организации языка за счет применения принятых лингвистических определений, понятийного аппарата и методологии анализа. Использование данных методик позволит интегрировать данные исчезающих языков Сибири, в частности восточно-хантыйских диалектов, в унифицированную глобальную базу данных в общетипологическом контексте.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Морфология, грамматика и синтаксис васюганского диалекта хантыйского языка сохраняют ряд архаичных черт, уже утраченных другими диалектами хантыйского языка, а также родственными финно-угорскими языками.
2. Состав инфинитных глагольных репрезентаций (ИГР) васюганского глагола представлен: номинативной/субстантивной репрезентацией с показателем *-ta/-tä*, адъективной репрезентацией – имперфектной с показателем *-ta*, *-ta/-tä* и перфектной с показателем *-am/-äm (om)*, и адвербиальной репрезентацией с показателем *-min/-mîn*.
3. Среди инфинитных глагольных репрезентаций адъективная перфектная и субстантивная наиболее близки. Показатели их имеют одну этимологию. Эти ИГР близки функционально в определительных и обстоятельственных конструкциях.
4. Сохранение в ИГР как именных, так глагольных черт открывает широкие возможности для их синтаксического функционирования. Васюганские ИГР могут использоваться в роли субъекта, именной части сложного сказуемого, определения, а также часто используются для выражения различного рода обстоятельственных (временных, целевых, причинных) и определительных отношений.

Материал и положения исследования были **апробированы** в более чем 10 публикациях и 12 докладах на международных, всероссийских и региональных конференциях, в том числе: «К вопросу о неличных глагольных формах в васюганском диалекте хантыйского языка». Конференция молодых ученых в ИГР СО РАН (Новосибирск 1996); «К вопросу о причастии в васюганском диалекте хантыйского языка». VIII международная конференция: «Перспективные направления в современном финно-угроведении» (Москва 1997); «Образование инфинитива в некоторых уральских языках». XX международная конференция «Язык и Культура» (Томск 1997); со-автор О.А. Осипова «Язык как источник информации о традиционной системе жизнеобеспечения ханты». XXI международная археолого-этнографическая конференция (Томск 1998); «Синтаксис васюганского диалекта хантыйского языка в свете лингвистических универсалий и протоуральских реконструкций». Международная конференция XXI Дульзоновские чтения (Томск 1999); со-автор О.А. Осипова «Реликты активной типологии в васюганском диалекте хантыйского языка». Международный финно-угорский конгресс (Tарту 2000); «Expendables of modernisation?»: prerequisites for the Preservation of Cultural and Linguistic Diversity in Siberia. Policy analysis paper. Международная конвенция (Нью-Йорк 2002).

Диссертационное исследование изложено на 177 страницах. Структурно работа организована в три главы, предваряемые введением и оканчивающиеся заключением, списком цитированной литературы из 247 источников, в том числе 85 на иностранных языках и этнолингвистическим приложением, содержащим информацию по истории изучения языка, письменности, этнонимам, диалектологии и этногенезу. В работе приводятся данные об информантах.

За обоснованием выбора темы исследования, определением круга целей и задач, характеристикой языкового материала, описанием методологии, научной и практической значимости и новизны работы, следует введение, где дается краткий генетический и типологический обзор хантыйского языка, приводятся диалектологические данные, сведения по этногенезу ханты, этимологии самоназваний, предлагается описание современной социолингвистической ситуации.

Основное содержание работы

Первая глава «Характеристика васюганского диалекта хантыйского языка» дает общий обзор характеристик васюганского диалекта хантыйского языка, как подтверждение тезиса о лингвистической архаичности диалекта, сопровождающейся сохранением древнейших этнокультурных черт. В параграфе по фонологии представлен фонемный состав васюганского диалекта и описание основных явлений в этой области, представлен контрастный диалектологический анализ. Параграф по семантико-грамматическим данным представляет сравнительное описание морфологических средств диалекта, высказывается мнение относительно основных грамматических разрядов слов, различаемых в диалекте. В васюганском диалекте хантыйского языка находят выражение следующие морфологические категории: число, лицо, падеж, посессивность, определенность, модальность (наклонение), залог и время. В качестве реликтов присутствует древнее противопоставление имен по признакам одушевленный/неодушевленный, человек/не человек, мужской/женский. В параграфе по именному склонению дается общее описание некоторых явлений синтаксиса диалекта – употребление косвенных падежей для оформления агенса в сопоставлении с фактами эргативных языков. Данные характеристики имеют непосредственное отношение к инфинитным глагольным репрезентациям, так как в них (ИГР) и в синтаксических конструкциях с ними находят отражение упомянутые морфологические и грам-

матические особенности. В разделе, посвященном глагольной системе приводятся данные о глаголообразовании диалекта, широко применяющим богатую аффиксацию с акциональной и залоговой семантикой наряду с использованием провербов для детализации характера глагольного действия. Параграф, посвященный глагольной парадигме диалекта, вводит дифференциацию глагольных форм на вербальные/финитные и невербальные/инфинитные репрезентации. Дается детальное описание основных грамматических категорий, свойственных глагольной системе и их взаимодействий. К глагольным категориям финитных репрезентаций относятся категории: акциональности, модальности, темпоральности, залоговости и персональности.

Вторая глава «Формы невербальной репрезентации глагола – инфинитные формы» посвящена рассмотрению ситуации с формами невербальной/инфинитной репрезентации глагола в васюганском диалекте в сравнительно-типологическом плане. Отмечается, что понятийный аппарат и основные определения, применяемые в исследованиях неиндоевропейских языков традиционно отражают в первую очередь лингвистические реалии языков индоевропейской языковой семьи. Таким образом, есть основания для того, чтобы отмечать отсутствие тождественности явлений разных языков, условно обозначаемых одной терминологией, в то время как сама терминология зачастую может в какой-то мере обуславливать/ограничивать восприятие материала. Применяемая терминология, в частности «категория репрезентации», вслед за А.И. Смирницким, будет использоваться для описания отношений между грамматическими формами сходных с отношениями различных частей речи, «которые по характеру основных присущих им грамматических категорий и по способу синтаксического функционирования смыкаются с одной частью речи, но регулярными словоизменительными отношениями связаны с другой, обладая некоторыми специфическими для последней категориальными и синтаксическими признаками» (Кузнецова Н.Г.). Выбирая для описания таких форм способ включения их в ту часть речи, с которой они связаны парадигматическими отношениями, приобретает возможность цельного рассмотрения парадигмы с опорой на морфологические критерии (ОчСЯ). Под формами невербальной/инфинитной репрезентации глагола понимаются нефинитные формы глагола, существующие во флективных и агглютинативных языках и используемые для оформления сказуемого, а также слов с предикатным значением в позициях именных членов предложения, в которых, в от-

личис от финитных форм, морфологически не выражены такие категории глагола, как абсолютное время, наклонение и, как правило, лицо и число. К таковым в васюганском диалекте хантыйского языка можно отнести:

– субстантивную репрезентацию глагола (СРГ) с показателем *-ta/-tä*, представляющую собой перешедшую в парадигму глагола форму имени со значением действия, развившуюся из формы направительного падежа имени, что в определенной степени универсально для многих языков (Бубрих, Каск, Хямяляйнен, Лаанест, Адлер, Вяари, Керг, Феоктистов, Коведяева, Тепляшина, Лыткин). Одной из особенностей субстантивной репрезентации васюганского диалекта является окончание *-nta* после суффиксов залоговой и акциональной семантики: *jöntäx-tä-ntä* «натянуть тетиву» – *jöntäx-t-äkjat-ä-ntä* «натягивать тетиву» (*jöntäx* «тетива»); *qurax-waxt-a-nta* «поурчать» – *qurkq-aqata-nta* «заурчать» (*qurax-ta* «урчать в животе»).

– адъективную репрезентацию глагола (АРГ) с двумя показателями, относимыми к различным темпоральным планам, настоящего времени/неперфектных *-ta/-tə*, и прошедшего времени/перфектных *-əm*. Типологический материал дает основания полагать, что формы на *-ta/-tə* имеют более позднюю этимологию, связанную с показателем субстантивной репрезентации, в то время как форма на *-əm* обнаруживается в большинстве уральских языков и, следовательно имеет более древнюю этимологию (Аристэ, Вяари, Ромбандеева, Каск, Макаров, Хямяляйнен, Лаанест, Адлер, Керг, Феоктистов, Коведяева, Тепляшина, Лыткин, Серебренников, Терешкин, Штайниц, Карьялайнен, Коллиндер) и др.

Судя по всему, в восточных диалектах переход форм адвербиальной репрезентации в категорию глагола не полон, так как эти формы с лично-притяжательными суффиксами выступают в функции определения или обстоятельства, но не сказуемого (Чепреги, Ковган, Скрибник, Кошкарева).

Ситуация с темпоральной дифференцированностью АРГ достаточно сложна. В то время как в одних языках группы этим формам приписывается четкая отнесенность к тому или иному временному плану, в других, в зависимости от контекста и значения глагольной основы формы могут быть отнесены к плану как настоящего так и прошедшего. Часто дифференцированность форм адъективной репрезентации нужно рассматривать не в рамках категории времени, но акциональности. В васюганском диалекте форма АРГ с показателем *-ta* образуется преимущественно (но не исключительно) от неопределенных основ

л'въл. «Иван торопясь с берега идет»; Тöуы куч'ьунъ јол јол-мин амысвъл «Около огня шаман шаманя сидит». Формы АдвРГ от предельных основ, служат для передачи законченного – совершившегося действия: н'урна јър-мын, кайсътън. «Ремнем привязали, оставили», Пътмин кылса јомин, тоуы вэркъл'мън «быстро в шалаш придя, костер развели».

Будучи выражением добавочного действия (Черемисина, Ковган), АдвРГ способны к передаче таксисных отношений. Так, для предельных АдвРГ это отношение предшествования: јо-мин, тоуы вэркъл'мън «придя, костер развели», для непредельных – одновременности: амыс-мин кыч'ауън «сидя остался». При этом отмечается взаимообусловленность залоговой семантики основы и акциональности и, следовательно, их значимость для определения относительного времени действия адвербиальной репрезентации. Так, примеры с переходными основами в подавляющем большинстве предельны и передают значение предшествования: кыјъкън јоуълтуу въ-мин, мъл'ъмкън јал'на јонтъ јауа «парни, стрелы и лук взяв, пошли к, с войной идущим, людям». В то же время непредельные основы оказываются непереходными: мин аппамна ка късыкън тот кули-мин вълъмън «мы с отцом вдвоем там, питаюсь рыбой (рыбача), живем»; Тот аппам кан'-мин кās-къл'-ив «там отца больного (болея) нашли». Для передачи относительных темпоральных значений используются сочетания предикативно-инфинитных форм с формантом временной соотнесенности действий (сходным с показателем местного падежа) -нд: мъткъм кōвā въл-мин-нъ, пушкъл'и āтъм улъм вэрәуън... «(Они) некоторое время прожили, птичка плохой сон увидела...», Јоу јō-мин-нъ, кул тнчалтъкън, сар поуъ сьвсики јōунāмā вѣјтъ (пънтъ) «Домой придя, рыбу сварили, щучьи потроха Сывсики себе взял».

Третья глава «Функционирование форм глагольных репрезентаций в васюганском диалекте хантыйского языка» предворена общим описанием синтаксиса диалекта – языка с порядком следования компонентов в эмоционально неокрашенном (нейтральном) высказывании **SOV**:

<i>r'ač</i>	<i>kat</i>	<i>am-tay-i</i>
<i>старик</i>	<i>дом</i>	<i>ставитъ</i> – Пр. вр. – Пасс, 3 л., ед. ч./ед. ч.

‘старик дом построил’.

Благодаря формам спряжения, позиция субъекта часто факультативна в случаях, когда субъект **S** занимает позицию топики/темы, т.е. известен из контекста: *kat amtay-i* ‘(он) дом построил’.

Определение и обладатель предшествует определяемому или обладаемому (агенса после ректума) в основном падеже и не согласуется с ним:

jaχ - at	jel-il-wel-t	araŋ	māχāt - e,	wol - ta	kurt - il-nā
люди – мн.ч.	ехать – Наст – 3 мн. ч.	чужой	сторона – Напр/Цел	жить – ИНФ	не мочь – длт – 3 ед. ч.

‘люди уходят в другие места, жить трудно’.

Обстоятельством при глаголах служит обыкновенно дат-напр. падеж. Иногда обстоятельство выносится за предикат (вправо) в целях фокуса (Робертс, Бикфорд, Дик).

moχujnā	koj-w-ən	wel-ta	ortix	künäri
как	хотеть – 2 л. ед. ч.	жить – ИНФ	богатый	бедный

‘как ты хочешь жить, богатым или бедным?’

Наряду с номинативной (активной и пассивной) распространены эргативообразные конструкции предложения, где субъектность выражена локативом (субъект-агенса). По всей видимости, к эргативообразной конструкции прибегают с целью сообщить о характере действия агенса и его (действия) направленности:

joγ - ən	min	untʃ-əwt-əyal
3 ед.ч. – Мстн	1 дв. ч.	перевозить – кауз – 3 ед. ч./дв.ч.

‘он нас перевез’.

В фокус-маркированных предложениях наиболее выделенный компонент занимает место непосредственно перед предикатом. Более того, существует определенная иерархия интенсивности эмфазы в зависимости от удаленности компонента от предиката.

В сложных сказуемых вспомогательный глагол, несущий инфлекссионную нагрузку, всегда следует за смысловым глаголом.

mətəline	wer'-tə	ente	onl - əm
ничто	делать – ИНФ	не	мочь – 1 ед. ч.

‘ничего делать не умею’.

Разделяя глагольные морфологические категории на дейктические – имеющие соотношенность с аспектом речи – и недейктические, отмечается взаимосвязь морфологических особенностей форм репрезентации глагола с их синтаксическими характеристиками. Такой синтаксической характеристикой инфинитных репрезентаций глагола является их несовместимость с синтаксической функцией предиката (Черемисина, Ковган), так как предикация тесно связана с дейксисом, т.е. сказуемое по определению дейктически-маркированный член предложения,

осуществляющий функцию включения содержания высказывания в коммуникативную «перспективу» конкретной речевой ситуации (Сильницкий).

На синтаксическом уровне формы инфинитной репрезентации глагола, подобно финитным, сочетаются со всеми типами дополнений и обстоятельств. Особенностью же этих форм является их грамматическая многоплановость, совмещение грамматических признаков глагола и других частей речи. Так, данные формы могут выполнять в предложении функции подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства, вторичного предиката, т.е. выступать в роли, свойственной не глаголу, а существительному, прилагательному, наречию. Утрата глаголом одного или некоторых синтаксических реляционных компонентов приводит к редуцированию предикативных отношений в атрибутивные, дополнительные или обстоятельственные:

Kul wel-to r'ač menò-γäs-əl

рыба добыть – ИНФ старик идти – Пр. вр. – 3 ед. ч.

‘рыбу поймавший старик ушел’

Таким образом, основное отличие в синтаксическом плане форм инфинитной репрезентации глагола в хантыйском языке от финитных форм состоит в утрате всех видов восходящей валентности, свойственной глаголам, при сохранении всех видов нисходящей валентности. При тезисе о решающей роли восходящей валентности в определении синтаксической роли члена предложения можно отметить, что данные формы занимают в предложении не глагольные синтаксические роли, а позиции, характерные другим - именным частям речи (а-б-в):

а) *r'ač menò-γäs-əl*

старик идти – Пр. вр. – 3 ед. ч.

«старик ушел»

б) *r'ač kul wel-to*

старик рыба добыть – 3 ед. ч./ед. ч.

«старик рыбу ловит»

в) *r'ač kul wel-ta menò-γäs-əl*

старик рыба добыть – ИНФ идти – Пр. вр. – 3 ед. ч./ед. ч.

«старик рыбу ловить ушел».

Субстантивная репрезентация глагола (СРГ) выступает чаще всего для обозначения предиката, зависимого от модальных глаголов со значением возможности, желания, долженствования и фазовости: *juχ onto onloyo jaχintil-ta* «она пла-

вать не умеет», ...*койвъл ч'упим-та*, но *jugnām tьl'mägъn* «хочет поцеловать, но сам боится», *ču pīrnəliləŋ jax kolom jaxnə pīča werəkotəyal* «после этого живые и мертвые (умершие) здороваться стали»; *mən-to jiyi-l-wəl* «поехали», а также в позиции подлежащего или именного сказуемого: *vel'tä jāmāki* «жить хорошо», *mä vär'ām - är'āx-tä* «мое дело – песни петь», и в ряде обстоятельственных значений: супина, времени, причины, несогласованного определения: *čaj intä jnlitjīn* «чай пить садись», *šas kul-kān-čä vr'em'a* «сейчас время – рыбу ловить».

Адъективная репрезентация глагола (АРГ) сохраняет валентности глагола, к парадигме которого относится, в следствие чего способна к образованию оборотов. По модели управления формы АРГ не отличаются от финитных глаголов, в особенности принимая во внимание факт отсутствия в васюганском диалекте у именных референтов генетива и аккузатива и оформление прямого дополнения основным падежом. В функции простого определения формы АРГ относятся к существительному, называющему субъект действия, и не имеют зависимых слов: *Kol'lo – wəl-to jay koləntəwəlt juxä, kulpa iwānnə kitsi* «все – живущие люди слушаются его, куда Иван не пошлет». В качестве вершины определительного оборота форма АРГ, в зависимости от того, определяет ли оборот субъект или объект предложения, может иметь активную или пассивную семантику: *järn'as jant-əm ŋi mənäyi* «женщина, рубаху сшившая, ушла», ...*mjīn'əta pən-əm wəy äl kīl'ältitən* «в ящики положенные деньги не трогайте».

В функции сказуемого зависимой части придаточного определительного формы адъективной репрезентации глагола имеют активную семантику и в некоторых случаях способны иметь собственный субъект, отличный от главного субъекта предложения, выраженный именем в основном падеже: *ču pīr kotl iwān mənmin, t'u lawka ko wijäyīn, əjču šegl'əw olwəntəy, tuxta čunam, niŋa juxä jol'kol't-əm kəsija, janaltulta əj ču šegl'əw ew, əj či joyatəy* «на другой день Иван, идя в ту лавку, где купил такой же товар, утащил туда, тому человеку, про которого женщина рассказывала, чтобы шить по такой же форме, такой же размер».

Адвербиальная репрезентация глагола (АдвРГ) определяется как форма, синтаксически зависимая от другой глагольной формы, но не являющаяся ее синтаксическим актантом, т.е. не реализующая ее синтаксических валентностей (Недялков, 1990: 36). Каноническое (Недялков) деспричастие (АдвРГ) занимает, как правило, позицию обстоятельства (сирконстанта) и не может занимать позиций главного сказуемого простого предложения, определения к имени, предик-

катного актанта (в зависимой позиции при *начать, велеть* и т.п.), подлежащего и дополнения (субстантивных актантов) (Недялков, Санжеев, Черемисина).

На материале васюганского диалекта не выявлено сочетаний АдвРГ с именем существительным в именительном падеже, обозначающих действие лица, отличного от субъекта основного – финитного глагола, т.е. в функции второстепенного сказуемого, единственным компонентом, имеющим контроль над оборотом с формой АдвРГ, может быть лишь субъект главного предложения.

Среди форм АдвРГ одновременного действия наиболее частотными типами обстоятельственных функций являются обстоятельство времени, выражающее одновременность второстепенного действия с главным, предшествование: *Кун-ты рāч т'и кōл тыуымалнъ, куѣт л'ысы-мин пууѣлт* «Когда старик эти слова проговорил, парни смеясь поднялись», *Пуула јоуѣмъл, вāн-мин мънлъмът* «В деревню придя, стали ползти (досл. 'ползя пошли')».

Отмечается редкий вид вторичной результативной конструкции (Николаева, 1999) с формой адвербиальной репрезентации, где субъект оборота, формально не выраженный, но доступный из контекста, отличен от субъекта основного действия – главного предложения: *т'у јурым ивāн јууѣл'л'е мычим котл јууа јѣр-мин амсыс т'уч'арыс јор мъу пāйнъ* «Иван несколько дней сидел **привязанный** на этом морском острове». В таких случаях формы АдвРГ выступают в функции второстепенного сказуемого, делая предложения разносубъектными.

Наиболее распространенными семантическими категориями составных глагольных сказуемых являются модальные (возможности, желания, необходимости): *ko||a wer-tā onlām* «все делать умею», *тd пиη niri-ta kojlam* «я тебя спросить хочу», *jāwet jayon jālil-tā maswel* «7 ночей играть надо» и фазовые (начала и прекращения): *јуу - ноу ос кыч'ыгъуть јыунмъс, мā ч'эл'ъутьсъм* «сучья – опять **трепать** стали, я крикнул», улъв: *ач'им ис'тd л'ōјас* «видим: мой старший брат **плакать** перестал».

Васюганские формы невербальной репрезентации глагола употребляются в независимых именных функциях в свободных двухкомпонентных схемах подлежащно-сказуемостных группах с некоординируемыми компонентами в функции подлежащего: *joxota atām* «**фугаться** плохо» или простого сказуемого: *mā vār'ām – ār'āx-tā* «мое дело – песни **петь**». Формы субстантивной репрезентации глагола также способны выступать в качестве определения однокомпонентных свободных схем: *šas kul-kāncā vr'em'a* «время – **рыбу** ловить».

Формы ИРГ, выступающие в функции обстоятельства (цели, времени, причины), делают предложение полипредикативным, как моносубъектным, так и разносубъектным: *ǰууытыǰитън, вэл'инг ǰах тыл'о ǰовъл'т мънзъкънч'ъ* «смотрите, оленные люди сюда едут (чтобы) нас искать». Функция обстоятельства, как и во многих других уральских языках, наиболее свойственна формам адвербиальной репрезентации глагола.

По структурной классификации к наиболее распространенным синтетическим полипредикативным конструкциям в васюганском диалекте относятся: конструкции с формами субстантивной репрезентации глагола (целевой, реже причинной и временной семантики); конструкции с формами адъективной репрезентации глагола (аттрибутивной семантики) и конструкции с формами адвербиальной репрезентации глагола (временной семантики). Эти конструкции рассматриваются как обороты в составе простого предложения (Перевозилов, Исанбаев, Майтинская, Серебренников, Дубровина).

В Заключении представлены выводы исследования. Отмечается, что хантыйский язык на современном этапе обнаруживает существенные диалектные вариации как в области фонологии, так и грамматики, которые в значительной степени проявляются в формах инфинитной репрезентации глагола. В глагольном словообразовании эндемичным для васюганского диалекта хантыйского языка является наличие особого окончания сложной формы субстантивной репрезентации глагола *-nta* после некоторых суффиксов с залоговой и аспектуальной семантикой. В соответствующих случаях в других восточных и западных диалектах используется стандартный суффикс инфинитива *-ta*.

Глагольной системе васюганского диалекта свойственна категория репрезентации, основывающаяся на противопоставлении финитных глагольных форм – вербальной репрезентации и инфинитных форм: субстантивной репрезентации, адъективной репрезентации и адвербиальной репрезентации.

Глагольную систему васюганского диалекта хантыйского языка можно схематично представить следующим образом:

Васюганская глагольная система			
Verbum finitum	Verbum infinitum		
глагол	инфинитив	причастие	деепричастие
Финитные формы	Глагольно-именные	Глагольно-адъективные	Глагольно-наречные
Вербальная репрезентация	Субстантивная репрезентация	Адъективная репрезентация	Адвербиальная репрезентация
	<i>-ta</i>	<i>-ta/tə -om</i>	<i>-min</i>

Формы невербальной репрезентации глагола в васюганском диалекте в значительной мере утратили субъектную валентность – способность выступать в функции предиката, что служит дифференцирующим признаком по отношению к финитным формам. Формы вербальной и невербальной репрезентации дифференцируются также по сохранению морфологических категорий. Финитным глаголам (вербальной репрезентации) свойственны морфологические категории: модальности; акциональности; залоговости; темпоральности; персональности.

В разряде невербальной репрезентации:

- субстантивной репрезентации свойственны категории акциональности и залога;
- адъективной репрезентации свойственны категории акциональности, залога и относительного времени и мало свойственны категории лица и числа;
- адвербиальной репрезентации свойственны категории акциональности, залога и, редко, относительного времени, и не свойственны категории абсолютного времени, лица и числа.

Показатели форм субстантивной репрезентации и адъективной репрезентации настоящего времени имеют общую угорскую этимологию – сочетание суффикса отглагольного имени *-t* с суффиксом – показателем латива *-a*. Однако, отличительной особенностью васюганского диалекта хантыйского языка является, обязательное в сложных формах СРГ с залоговыми и аспектуальными суффиксами, окончание *-nta/-ntä*, вероятней всего, представляющее реликтовые признаки глагольных имен, где показатель *-n* может интерпретироваться как древний суффикс отглагольного имени, в последующем функционально дублируемый более поздним показателем *-t*. Форма же АРГ прошедшего времени и форма адвербиальной репрезентации имеют показатель *-(o)t*, древней уральской этимологии отглагольного имени и обозначения процесса действия.

Конструкции с формами инфинитной репрезентации достаточно распространены и сочетание в них черт как имени, так и глагола позволяют им быть использованными для передачи различных содержательных отношений.

Формы невербальной репрезентации могут функционировать в качестве главных членов предложения, проявляя при этом свои именные черты. Однако наиболее продуктивны данные формы в качестве второстепенных членов (определения, дополнения и различных обстоятельств). Выступая в качестве компонента аналитических глагольных конструкций, формы инфинитной репрезентации выражают фазовость глагольного действия.

Использование форм невербальной репрезентации глагола в придаточных определительных и обстоятельственных конструкциях – в функциях свойственных

второстепенному сказуемому делает предложение полипредикативным со способностью дифференциации темпоральных отношений.

Основное содержание диссертации отражено в более чем 10 работах, включая:

1. Фильченко А.Ю. Причастные формы в уральских языках // Этносы Сибири: Мат-лы междунаро. конф. Томск, 1997. С. 32–36.
2. Фильченко А.Ю. К вопросу о причастии в васюганском диалекте хантыйского языка: Мат-лы VIII междунаро. конф. «Перспективные направления развития в современном финно-угроведении». МГУ, 1997. С. 88–90.
3. Фильченко А.Ю. Образование инфинитива в некоторых уральских языках: Мат-лы XX междунаро. конф. «Язык и Культура». ТГУ, 1997.
4. Осипова О.А., Фильченко А.Ю. Язык как хранитель информации о традиционной занятости народа // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Мат-лы XXI Западно-сибирской археолого-этнографической конф. ТГУ, 1998. С. 210–216.
5. Фильченко А.Ю. К вопросу о несформированности прилагательного как одной из характерных черт языков активной типологии // Вестник ТГПУ. Вып. 6. Сер.: Гуманитарные науки (филология), 1998. С. 69–70.
6. Фильченко А.Ю. К вопросу об отыменном глаголообразовании в хантыйском языке // Проблемы документации исчезающих языков и культур: Мат-лы междунаро. конф. XXI Дульзоновские чтения. Уфа; Томск, 1999. С. 230–237.
7. Фильченко А.Ю. Соответствия синтаксиса васюганского диалекта хантыйского языка прото-уральским реконструкциям // Вестник ТГПУ. Томск, 1999. Вып. 4 (12). Сер.: Гуманитарные науки (филология). С. 61–63.
8. Функционирование инфинитивных форм в васюганском диалекте ханты // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание национальных языков: Мат-лы междунаро. конф. XXII Дульзоновские чтения. Томск, 2000. Ч. III. С. 159–170.
9. Filichenko A.Y., Ossipova O.A. The relicts of active typology in Khanty dialects // Congressus Novus Internationalis Fenno-Ugristarum. Tartu. 7–13.08.2000. Part II. S. 205. (со-автор О.А. Осипова).
10. Осипова О.А., Фильченко А.Ю. Следы активной типологии в диалектах хантыйского языка // *Linguistica Uralica*. XXXVII, 2001. № 3. S. 193–211.
11. Фильченко А.Ю. Расходный материал модернизации // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы: Сб. научн. тр. Т. 1. Томск, 2002. С. 131–141.